

Ю. И. Айхенвальд

Жуковский

Из книги: Силуэты русских писателей. В 3 вып. М., 1906 - 1910; 2-е изд. М., 1908 - 1913.

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/gukovskiy/aihenv_gukovskiy.html.

Тишайший поэт русской литературы, благодушный и кроткий, Жуковский - представитель всяких признаний и покорности. 14-летним мальчиком он пишет уже оду - императору Павлу. В высшей степени ценно, что на земле венцом его утверждений является человек - "святейшее из званий"; наставник Александр II, всегда - хвалитель человеческого, доверчивый гуманист и друг души. Но психологически и эстетически это можно было бы вполне приветствовать лишь тогда, если бы его мирозерцание прошло через горнило каких-нибудь сомнений и критики, если бы хоть один луч протеста и гордыни когда-либо прорезал его слишком невозмутимую первоначальную тишину. Но нет: благонравие и благоволение Жуковского спокойно, без ритма, без колебаний, и кажется, что его душевное море никогда не знало прилива и отлива, - в таком случае, море ли оно?..

Певец и питомец добродетели, он не стесняется о ней говорить, - ему не совестно ее восхвалять; всегда нравственный, без темперамента, искренний служитель "посредственности" (т. е. умеренности), он добро чтит не за страх, а за совесть. И когда в послании к Батюшкову, "сыну неги и веселья", он называет поэта-эпикурейца "родным по музе" и чокается с ним, то как-то не веришь этому родству; и больше находится Жуковский в своей душевной сфере, когда дружески советует: "Отвергни сладострастия погибельны мечты". И если иногда он прославляет вино, то это он к вину снисходит.

Ничем не опьяненный, выше всяких соблазнов, никогда не возвышая голоса, безгневный и мягкий, Жуковский уже этим складом своей натуры был предназначен к тому, чтобы бесшумно войти в систему жизни, которую он застал, и без поправок и оговорок склониться перед освященной традицией. Он принимает и небо, и землю; он не видит между ними сколько-нибудь существенных разногласий. То, что есть, не очень далеко от того, что должно быть. Так, Бог и царь оказывают друг другу взаимные услуги: Бог царя хранит, царь хранит Бога; и все государственные учреждения, вплоть до смертной казни (исполнению которой, по ужасному проекту Жуковского, единственному пятну на его чистой памяти, единственному изобличителю морального затмения, надо только придать елейный, религиозный характер, сопроводив ее церковными песнопениями и молитвой), - все имеет на себе печать святости, все получено откуда-то свыше. "Хвала жизнедавцу Зевесу!" - слава Богу! - вот его девиз.

Если такое безропотное отношение к действительности и непомерное согласие с нею в Жуковском не оскорбляет, то это потому, что около него вообще замирает каждое сильное чувство, да и невольно принимаешь во внимание всю его духовную личность. Дело в том, что сам он бескорыстен и благостен, что сам он этой действительности не употребит себе на пользу, а другим во вред. Нет, скромный и нетребовательный, он вообще реальным как будто не пользуется, он как будто не занимает места в жизни бесплотный дух, который никому не мешает. Не то чтобы он был слаб, - напротив: его мягкость - его сила; но такова уже окраска его внутреннего мира, таковы уже акварельные тона его настроений, что он не примет ожесточенного участия в борьбе за существование, никого не отстранит, так как самое это существование он отодвигает в прошлое и в будущее, а настоящего себе не берет и в нем не нуждается. Он поэтому ни для кою не опасен, ничей не конкурент. У него нет страстей, у него только надежды и воспоминания, он только ждет и надеется, все близкое ему зрится отдаленным, он психологически не от мира сего. Текущее мгновенье течет не для Жуковского. Он оглядывается на прошедшее, он задумчивые взоры обращает в лазурную даль грядущего - он живет в неясностях души, в туманных мерцаниях сердца, на рубеже "оною таинственного света". Ему люди важны не столько сами по себе, сколько как живые поводы для чувств. Милых спутников, которые сей свет своим присутствием для нас животворили, он благодарно заметит больше всего - в момент их отсутствия. Он начинает с прошлого. Или он скорее предчувствует, нежели чувствует. Упованье и вое поминание - вот что позволяет ему пренебречь и позабыть "низость настоящего и лелеять то, чего уже нет, и то, чего еще нет.

Безоблачность Жуковского, тихая погода его души, слишком ровный свет его сердечной лампы не производят отрицательного впечатления, потому что во всем этом нет сознательного самодовольства и все это пронизано лунными лучами непритворной меланхолии.

Прекрасное погибло в пышном цвете...

Таков удел прекрасного на свете -